

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
М69

*Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.*

Дизайн серии — Андрей Ферез

Дизайнер — Екатерина Елькина

Фото автора — Светлана Стуканёва

*В оформлении используются работы художника
Екатерины Белявской*

Михалкова, Елена Ивановна.

М69 Прежде чем иволга пропоет : [роман] /Елена Михалкова. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 416 с. — (Новый настоящий детектив Елены Михалковой).

ISBN 978-5-17-119260-0

Ей обещали, что это тихое место.

Ей обещали, что она спокойно отдохнет.

Карелия. Озеро. Благоустроенные коттеджи.

Всего десять туристов.

На золотом крыльце сидели:

Лжец,

Беглец,

Охотник,

Убийца,

Жертва.

Ее не предупредили только об одном: придется выбрать, кем ты будешь.

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© Михалкова Е., 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

ГЛАВА 1

Динка

Как я здесь оказалась?

Благодаря роману «Униженные и оскорбленные». Нет, серьезно. Потрепанная книжка в бумажной обложке валялась в «обменном пункте» — на батарее в подъезде. Я сунула ее в рюкзак. Забегая вперед, скажу, что она стала единственным, что мне удалось забрать из собственного дома.

Я вспомнила о ней, когда ловила на трассе попутку. Не совсем точное слово: пути-то как такового не было, лишь намерение убраться отсюда как можно дальше. Да, в Москве я нашла бы и работу, и крышу над головой, но иногда дорога в ад выстлана именно разумными решениями.

Так что я выбрала неразумное.

Пока на шоссе не было машин, я уткнулась в роман. Какой смысл голосовать, если тебя никто не видит? Но серая «Тойота» подъехала бесшумно и обнаружила себя только тогда, когда из-под колес полетел гравий прямо мне под ноги.

— Что читаем? — спросил водитель, опустив стекло.

Молодой парень. Глаза темные, быстрые, веселые. Лихач, могу поспорить.

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

Я убрала книжку за спину и наклонилась так, чтобы его лицо оказалось на уровне моего.

Рассказы о том, что за десять секунд можно оценить, насколько опасен человек, — вранье. Здесь или повезет, или нет. Но что действительно можно проверить, так это запах от водителя.

У меня чертовски хорошее обоняние. Никогда не видела от него ни малейшей пользы. Три часа в компании мужчины в несвежих носках — и вы будете молиться о насморке.

Так что я всего лишь принюхалась.

Лимонный освежитель воздуха и одеколон с нотами апельсина. Да ты у нас, дружок, любитель цитрусов? Во всяком случае, парень не курил в машине, а это уже было неплохо.

— Не подбросишь до Твери? — спросила я.

Не знаю, откуда взялась Тверь. Возникла в последнюю секунду, должно быть, по созвучию: мне вдруг пришло в голову, что передо мной должна открыться новая дверь. Дверь — Тверь, понимаете? Ладно, я не претендую на то, чтобы сказать новое слово в поэзии. Но смешно же!

Знай я, куда приведет меня эта дверь, шарахнулась бы от «Тойоты» как от гроба со своим именем на крышке.

— Надеюсь, это не пособие по ограблению водил? — неуклюже пошутил он.

Я показала Достоевского, и парень округлил глаза.

— Ты с филфака, что ли?

— Нет, просто книжка нравится.

— Ладно, забирайся.

По дороге он болтал о себе (жена, ипотека, родители на Урале, брат-неудачник, дети-бандиты). Пытался и меня расспросить, откуда я взялась на обочине, в мартовской грязи, с томиком Достоевского, но быстро по-

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ИВОЛГА ПРОПОЕТ

нял по моим ответам, что я не из тех, кто любит исповедоваться случайным попутчиком. Надо отдать парню должное: он тут же отстал.

Правда, не удержался, чтобы не продемонстрировать, как круто он водит. От обгонов и резких торможений на скользком шоссе меня начало укачивать, и я незаметно задремала.

Проснувшись оттого, что заглушили мотор.

Мы стояли на асфальтированной площадке перед длинным одноэтажным строением из белого кирпича. Обшарпанная вывеска гласила: «КАФЕ ПРИБОЙ».

— В уборную заскочу, — сказал Игорь. — Тебе не надо? До Твери еще минут сорок.

Я покачала головой и вышла размяться.

Дальний конец площадки был занят тремя грязными фурами. Легковушек, кроме нашей, не оказалось, но, судя по размерам стоянки, это место было рассчитано на большое количество машин.

На двери кафе висело объявление всего из двух слов: «Требуется официантка», написанное от руки.

Мой перевозчик все еще топтался около биотуалета, дожидаясь своей очереди, и я вошла внутрь.

Просторное помещение. Много столиков, но безлюдно. Заняты были только два места, и, приглядевшись, я поняла, что это водители фур.

Похоже, мы попали в тихий час.

Возле окна возился парнишка лет шестнадцати, размазывая пыль по стеклу сухой тряпкой. Между рамами лежали ногами кверху три засушенные мухи.

— Привет, — сказала я. — Кто у вас за старшего?

— Дядя Паша, — буркнул тот, не оборачиваясь.

— Как бы с ним поговорить? Насчет работы.

Паренек сунул тряпку за батарею и убежал.

Ждать пришлось долго. От нечего делать я стала считать машины, проносящиеся по трассе.

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

Полезно время от времени останавливаться и подбивать баланс: что у меня в плюсе, а что в минусе? «Осознанность — это навык», — учил Ясногородский.

Итак, шестого марта две тысячи девятнадцатого года у меня не имелось: денег, своего дома, работы, профессии, друзей, семьи... И завтрашнего дня.

А что у меня есть?

— Это ты меня искала?

Здоровенный красномордый дядька в тельняшке стоял, сложив руки на груди. Разглядев меня, он фыркнул. Остро пахнуло чесноком. Хороший запах! Многие со мной не согласились бы, но я люблю, когда от мужчин несёт чесноком. Там, где я питалась последние три года, пахло варёными тряпками.

— Девочка, где твои родители?

— Я по объявлению, — сказала я, не обратив внимания на шутку.

Он покачал головой.

— Забудь. Дохлый номер!

— Вам нужна официантка.

— Официантка, а не геморрой. Ты, — он легонько ткнул меня в плечо, — геморрой.

— Мне двадцать два. Хотите, паспорт покажу?

— На кой он мне ляд? Паспорт, что ли, будут щипать за ляжки? Мне проблемы не нужны. Ты хоть понимаешь, кто наш клиент? Водила. Дальнобойщик. А тут — ты! Короче: это все несерьезный разговор. Эй, Гоша! — Он щелкнул пальцами, и парень торопливо обернулся. — Налей *этой* супу. Поешь — и уматывай. Больше я тебе ничем помочь не могу.

Он враскачку пошел по направлению к кухне.

Не хотелось ему чесать кулаки о морды дальнобойщиков, решивших позаигрывать с молоденькой официанточкой, и я его понимала. Но мне пришлось по душе это место. И обшарпанная вывеска, и красно-белые

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ИВОЛГА ПРОПОЕТ

клеенки на столах, и запах стряпни, которым окатывало меня каждый раз, как распахивалась кухонная дверь... Все было какое-то очень живое, яркое и грубое, точно чесночная вонь.

— У тебя все равно нет работника, — сказала я в спину хозяину. — А я уже здесь. Могу начать хоть сейчас. Если что-то пойдет не так, ты всегда можешь меня выставить. Но оно не пойдет.

Уверенность в моем голосе заставила его обернуться.

— Половина потока у тебя — постоянные клиенты. — Я заметила, как он прищурился, и быстро исправилась: — Нет, больше — процентов семьдесят. Зачем им с тобой ссориться?

— Тебе и тридцати хватит.

— С тридцатью как-нибудь разберусь.

Хозяин почесал нос. Бросил взгляд на юного Гошу. Я сообразила, что мальчишка временно исполняет обязанности официанта. Если он обслуживал клиентов так же расторопно, как мыл окно, на месте дальнобойщиков я выбрала бы другое заведение.

— Работала раньше официанткой? — хмуро спросил он.

— Конечно, — соврала я.

— А что с медкнижкой?

— Нету.

Он недовольно пожевал губами. Но медкнижка делается за два дня, и мы оба это знали.

— Как звать-то тебя?

— Дина Владимировна, — церемонно сказала я.

Он усмехнулся.

— Целая Владимировна... Вещи где, Владимировна?

Увидев рюкзак за спиной, хотел что-то добавить, но удержался.

Не знаю, что он подумал обо мне. Честно говоря, мне было плевать. Я хотела это место — и я его получила.

Дальнобойщики называли наше заведение «У дяди Паши». Однако официальное название — «Прибой» — никто не менял, потому что на дороге к Питеру пару лет назад построили забегаловку, над которой повесили неоновую вывеску «У дяди Паши», хотя заправляли там, по слухам, армяне. Того Пашу, фальшивого, водилы не любили.

В отличие от нашего.

Хозяин сам готовил на кухне вместе со своей женой Оксаной — бледной пухлой бабой с пугающе невыразительным взглядом. Меню было небольшое, простое, но сытное. Обязательная солянка, свинина в горшочке, жареные цыплята, гречка и говядина с подливой, пара салатов, сладкий компот, до половины стакана честно наполненный сухофруктами. Блинчики и пирожки.

Первое время при каждом удобном случае я воровала еду. Сырую картофелину сгрызала за двадцать секунд. Соус вычерпывала половником и выпивала через край. Отварная гречка с маслом? Я продала бы за нее душу, но этого никто не требовал, и я, точно хомяк, набивала рассыпчатой горячей крупой щёки. Однажды съела сырую луковицу — сладкую, сочную, как яблоко. Хозяйка стояла в двух шагах, но удержаться я не смогла. Меня не вышибли лишь потому, что Оксана не поверила, будто можно сожрать луковицу весом в триста граммов, не уронив ни слезинки.

Ее муж, кажется, что-то подозревал. Но я работала на совесть, и у него действительно не было со мной проблем.

Если он ожидал, что я стану всеми способами пытаться прибавить себе солидности, то просчитался. В первый же день я заплела две куцые косички, едва закрывавшие уши, и натянула длинную футболку, к

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ИВОЛГА ПРОПОЕТ

которой накануне вечером пришила по низу оборку из цветастой тряпки, валявшейся в подсобке. Мне выделили каморку рядом с ней, размером с купе поезда. Единственное, что я проверила, когда мне ее показали, — запирается ли дверь изнутри. О да — она запиралась! Кажется, я чуть не засмеялась от счастья под хмурым взглядом Оксаны.

Но все остальное меня устраивало. Кровать, окно, задвижка. Больше ничего и не требовалось.

Хозяин, увидев меня в первое утро с косичками, крякнул. «Малолетка», — прочла я в его взгляде.

Но все прошло как нельзя лучше. Носясь с подносами между столиками, я время от времени ловила свое отражение в мутном оконном стекле: девочка-подросток в заношенном платье, тощенькая бледная замухрышка.

Я будила не сексуальные инстинкты, а родительские.

— Мечта педофила, — не удержался хозяин, наткнувшись на меня в очередной раз.

— На то и расчет, — сказала я.

Никто не хочет выглядеть педофилом. Со мной общались подчеркнуто уважительно. Среди постоянных клиентов распространился слух, что кормилец, как в шутку называли хозяина, взял на работу свою внебрачную дочь. Не стану утверждать, что не приложила к этой басне руку.

До меня в «Прибое» работали посменно две официантки. Одна — сестра Оксаны, и именно она ушла со скандалом за день до моего появления. Вторая — Мариша: болезненная женщина, вечно охавшая и жаловавшаяся на ноги, хотя, по-моему, она могла бы пешком дойти до Магадана.

Мне бы поинтересоваться у нее, отчего хлопнула дверью сестра. Но я этого не сделала.

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

...С первой зарплаты я отправилась в город на рейсовом автобусе и купила акриловые краски, карандаши, бумагу и принадлежности для рисования. Вернувшись, разложила покупки на кровати и стала рассматривать, впитывая в себя яркость цветных карандашей, белизну бумаги — мягкую, молочную, шершавую... И, конечно, краски.

— Умбра и охра, — повторяла я нараспев, раскачиваясь, как шаман перед молитвой, — умбра и охра! Ак-ва-ма-рин!

Дверь приоткрылась. Хозяйка озадаченно уставилась на меня. В своем тихом счастливом безумии я забыла о задвижке.

— Это еще что ?

Тон у нее был такой, словно она обнаружила на своей постели россыпь марихуаны.

— Это для рисования, Оксана Петровна.

— Оно тебе зачем?

«Перья на попе малевать».

Вслух я этого не произнесла, конечно. Только сказала, что как это ни удивительно, но — для рисования.

Она шмыгнула носом и вышла, чем-то очень недовольная.

Кроме красок, я привезла в свою новую обитель духи. «Ландыш серебристый» пах не совсем так, как я запомнила. Наверное, столько лет спустя его состав изменился. Но мне достаточно было и эха прежнего аромата. Я не пользовалась духами днем, но вечером, перед сном, осторожно пшикала на запястье и засыпала в облаке сладкого ландыша. К утру он развеивался.

К концу мая я освоилась в «Прибое» окончательно. Запомнила постоянных клиентов в лицо, а многих и по именам. Перестала воровать еду. Вечно мучивший ме-

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ИВОЛГА ПРОПОЕТ

ня голод за два с половиной месяца наконец-то утих. Поправилась, на щеках появился румянец. В свободное время, которого у меня, по правде сказать, было немного, рисовала или бродила по окрестностям.

Эта монотонная жизнь без всяких мыслей, без событий, без общения — хозяева и уборщица не в счет — меня полностью устраивала.

Во всяком случае, так мне казалось до появления того парня.

Он появился третьего июня, около десяти утра. Я подошла к столику.

— Здравствуйте, что будете заказывать?

Не совсем наш клиент. Пожалуй, совсем не наш. Синяя футболка с маленьким белым китом на груди, джинсы, дорогие кроссовки. Чистые руки с длинными пальцами. Всегда обращаю внимание на пальцы. Такие красивые, хорошо вылепленные кисти...

Он перевел на меня взгляд. Глаза голубые, с расходящимся от зрачка желтым кругом.

«Центральная гетерохромия», — вспомнила я научное название. Разная окраска участков радужной оболочки глаза.

Честно говоря, я смутилась — впервые за все время работы в «Прибое». Он ничего не говорил, не заказывал, не тыкал пальцем в меню (некоторые любят произнести через губу: «Дэушк, мне это, это и это», как будто они сами себя сглазят, если произнесут: «Жареную картошку и котлету по-киевски»), просто смотрел на меня, прищурившись, словно вспоминал, при каких обстоятельствах встречал меня раньше.

В общем, обычный парень, довольно симпатичный. Но говорю же — не наш клиент. Такие одинокие, прилично одетые чуваки выбирают заведения посolidнее.

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

Компания дальнбойщиков в резиновых сланцах, из которых торчат голые пальцы (как правило, без педикюра), не всем по душе.

— Борщ, пожалуйста, — сказал он. — Чай с мятой... Есть у вас чай с мятой?

— Конечно.

— И какую-нибудь выпечку.

— Блинчики с медом подойдут?

— Да, отлично.

Я передала заказ на кухню, вернулась в зал, но все время, убирая грязную посуду и принимая новые заказы, чувствовала на себе легкий взгляд.

Он наблюдал за мной, не вызывая, а спокойно, с любопытством. Так можно посматривать на кошку. На птицу. На любой движущийся объект.

Когда я поставила перед ним тарелку с супом, он спросил, не знаю ли я, есть ли поблизости монастырь или церковь. Я исследовала этот район не больше чем на десять километров вглубь, о чем честно ему и сказала.

— Поблизости точно нет, — добавила я. — Если хотите, могу спросить у дяди Паши.

— Это же не ваш родственник, правда? — усмехнулся парень.

Я улыбнулась в ответ.

— Нет. Это повар. И хозяин.

— Кафе у него давно?

— Не знаю. Я сама-то здесь недавно.

Мне показалось, он пытается меня задержать своей болтовней. Действительно хочет поговорить, а не просто клеится к милой официантке. Не то чтобы я была против... Но из кухни вышла Оксана, вытирая руки полотенцем, окинула взглядом зал, нахмурилась, увидев меня, и кивком приказала зайти на кухню. Я бросилась к ней.

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ИВОЛГА ПРОПОЕТ

— Свирина холодная, что не несешь?! — набросилась она на меня.

Свинину в горшочках только что вынули из духового шкафа. Обычно мы не подаем такую горячую еду, она должна хотя бы немного остыть, чтобы пар из-под крышки не обжег клиента. Но я промолчала. Хозяйка в последнее время все чаще зла без повода и придирается по ерунде.

Когда я вернулась, парень с явным удовольствием ел суп. Потом сидел, читая что-то в смартфоне; я принесла блины, и он молча кивнул.

Я уже решила, что он со мной больше не заговорит.

Но как только я положила перед ним счет, он вновь поднял на меня взгляд.

— Я еду в Карелию. — Говорил он спокойно, даже задумчиво. — Там турбаза, то есть не турбаза, а просто дома на озере. На фотографии выглядит классно. Вот, у них на сайте есть картинка... — Он зачем-то показал мне экран телефона, а я зачем-то наклонилась и посмотрела.

И правда, классно. Сосны, озеро, бревенчатый коттедж с верандой, залитой солнцем.

— Поедешь со мной?

Я вздрогнула и уставилась на него.

— Я снял его на три недели, — добавил он, как будто это что-то объясняло. — Внутри есть кухня... и хозяева обещают, что раз в два дня будут доставлять свежий творог. Всякие другие продукты тоже, само собой. Ты любишь творог?

Все это звучало дико. Дом, Карелия, творог... Дико — и в то же время как-то очень естественно. О любом другом человеке, предложившем мне такое, я подумала бы, что он псих.

— Послушай, я ведь серьезно. — Парень поднялся. Никто не смотрел в нашу сторону. — Если ты оста-